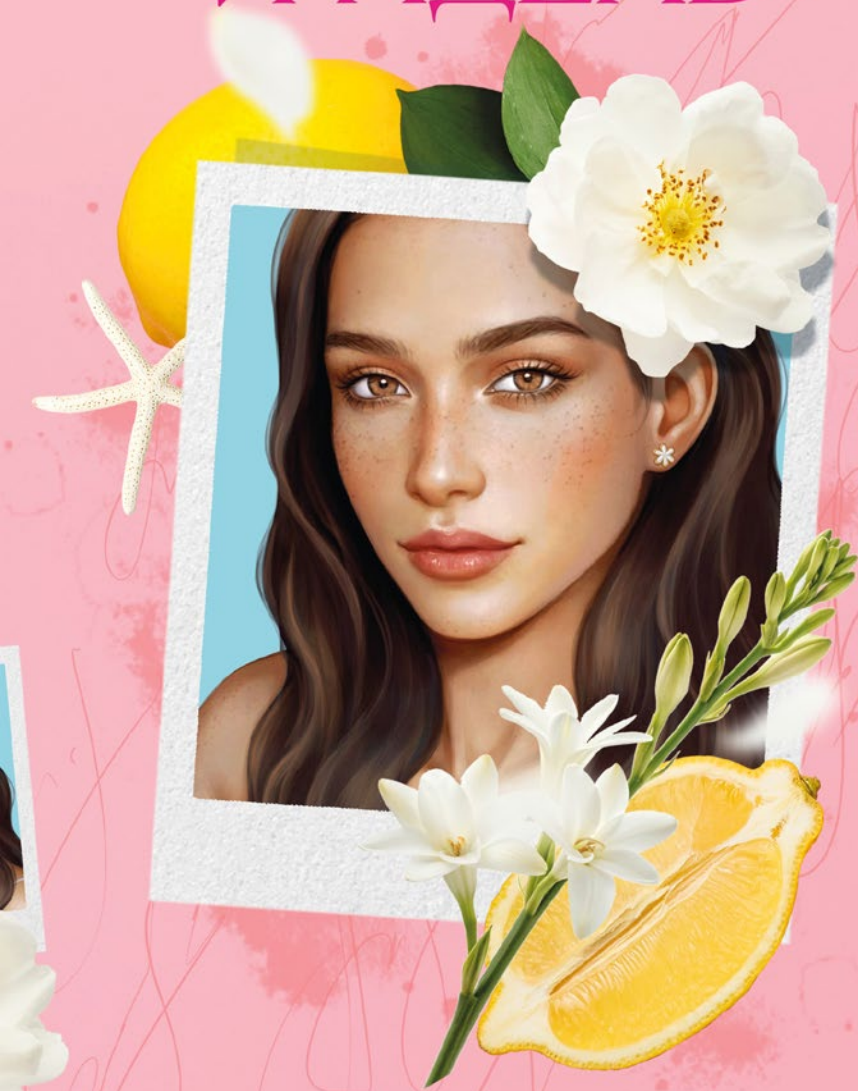

Dana DeLeon

АРТУР, ЛУИ И АДЕЛЬ

Dana Dero

АРТУР, ЛУИ И АДЕЛЬ

*Hey, there's nothing left to say
The world is on fire and I love you,
I love you.*

*Hey, some things never change.
The world is on fire and I love you,
I love you...*

Моему Артуру.

ГЛАВА 1

ЛУИ

В МОЕМ ОКРУЖЕНИИ ЧАЩЕ ВСЕГО встречались два типа людей. Первые — равнодушные. Им было все равно, что происходило в моей жизни, они плевать хотели на мои проблемы, горести, невзгоды. Они никогда не протянули бы руку помощи, потому что слишком черствы, холодны и безразличны. Предметом их мыслей, интересов и занятий всегда являлись они сами.

Мне нравился такой тип людей только по одной причине: они не учили жить, не лезли со своими нравоучениями и правилами. Для них я просто-напросто не существовал, поэтому они смотрели сквозь меня. А еще рядом с ними было очень одиноко. Так и хотелось крикнуть: «Эй, гляньте, я здесь! Я запутался, и мне нужна помощь». Но в ответ они сказали бы, что все запутались, всем нужна помощь, поэтому, будь добр, разгребай свое дерьмо сам. Не можешь? Тогда сдохни. Сдохни в собственном дерьме! Им даже это их не тронуло бы, ведь им все равно. Их нельзя было попросить принять меня таким, какой я есть, ведь невозможно принять то, чего для тебя не существует. Меня нет. Им на этом точка.

Для второго типа людей я никогда не был достаточно хорош. Они думали, что лучше всех знают, как жить правильно. Они лезли без спроса в мою жизнь и без всякого стеснения критиковали. Даже если я просто дышал, в их понимании это должно было делаться иначе. Косые взгляды, поджатые губы и тихий шепот: «Что можно ждать от сына двух торчков?» Такие люди всегда готовы были помочь и направить меня на путь истинный, но ведь я сам был слишком глуп, чтобы воспользоваться их добротой. По их версии, разумеется. Для них был приемлем только тот вариант, в результате которого я обязательно должен был измениться. Принимать меня тем, кем я был, они бы точно не стали. Я же неправильный. Они бы рады скроить меня по своему подобию, только я из второсортного, испорченного материала. Постепенно понимая свое поражение, они переходили в первую категорию — безразличных.

Среди всего этого равнодушия и презрительной критики у меня были Адель и Артур. Невероятные друзья, которые заменили мне не только близких, но и весь мир, став моей личной галактикой.

Последние несколько лет мы проводили летние каникулы в доме на юге Франции. Это стало нашей традицией. Я жил и считал дни, месяцы, недели до того момента, когда вновь смогу увидеть своих друзей и обрести семью. Мы все с нетерпением ждали этого времени, чтобы снова побыть счастливыми и беззаботными.

Трех одиноких молодых людей смогла связать настоящая, истинная, подлинная, всепрощающая дружба.

АДЕЛЬ

Пять месяцев назад

БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ я ненавижу, когда мной пытаются манипулировать родители. Анна и Жан-Поль де Флориан — мои мама и папа — мастера этого дела. Чаще всего они сравнивают. Мама делает это менее умело, чем папа. Более резко и всегда в негативном ключе: «Когда я была в твоём возрасте, я была лучше, умнее, серьезнее, ответственнее и никогда себе такого не позволяла». Так и хочется, бывает, крикнуть, что я не она.

Или же мама начинает рассказывать про идеальных дочек своих подруг: наверное, тем самым она пытается достучаться до моей совести, но, увы, я давно поняла, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду достаточно хороша для них. С папой дело обстоит сложнее: он политик, поэтому более хитер и всегда, наоборот, возвышал меня над остальными — мол, я самая лучшая, умная и далее по списку. Этакая идеализация меня в моих же глазах. Когда я была поменьше, я изо всех сил старалась соответствовать этому идеалу. Быть самой лучшей всегда и во всем ради него. И меня так пугала перспектива разочаровать своего родителя, упасть с воздвигнутого пьедестала, что я переступала через себя, свои интересы, мечты, желания ради его

похвалы. В какой-то момент я поняла, что его одобрение для меня — как та морковка на веревочке перед ослиным носом.

Глупое животное видит предмет своей мечты, уже предвкушает, как с хрустом откусит, как смачно будет жевать, наслаждаясь вкусом. Но, увы, у наездника другие планы: он не хочет, чтобы морковка была съедена, он лишь хочет, чтобы осел шел в нужном ему направлении. Самое страшное происходит, когда осел отказывается идти, ему уже не нужны все морковки мира. Он устал от вечного вранья и чувства разочарования. В этот момент наездник показывает свое истинное лицо: он начинает указывать, заставлять, использовать свою власть. Но он даже не представляет, насколько свободнее ты себя ощущаешь, сказав наконец заветное: «Нет, я не буду больше твоей куклой, не хочу твоей похвалы, и вообще засунь свою долбаную морковку себе в зад — я выросла из этих глупых манипуляций. Я больше ни за что на свете вновь не поставлю себя в то жалкое положение, я больше не буду добиваться твоего одобрения, а пьедестал самой лучшей сожгу и уничтожу собственноручно».

Я со злостью застегиваю чемодан, который мне велели распаковать, и проверяю время: ровно 16:00. Мой поезд отправляется в пять часов, а мне еще нужно доехать до Лионского вокзала. Меня в очередной раз заперли в комнате. Видите ли, моим родителям не нравится место, где я планирую провести лето. Папочка, мечтающий о poste президента,

и мамочка, которая бегает за ним собачонкой, считают, что для их дочери неприемлемо проводить каникулы с двумя парнями, которые старше ее на четыре года. И я бы могла все списать на родительскую заботу, но здесь абсолютно другой случай.

— Ты не поедешь в дом этого выродка! — грозно приказывает папа, как только дело близится к лету.

Ему неважно, что Луи ведет здоровый образ жизни, да что там говорить, он практически не пьет. Но папе все равно, он судит его по родителям. Как и большинство людей нашего круга. Но чего они не знают, так это того, что Луи в сто раз лучше их богатеньких, избалованных, холеных деток. Он настоящий, искренний, у него есть сердце, что так редко встречается в нашей гнилой среде. Доброе, понимающее и сострадающее.

— Что у тебя с этим боксером?! — частенько вопит мама, имея в виду моего второго друга Артура.

Про него отец даже не говорит, одного взгляда хватает, чтобы понять: он считает ниже своего достоинства даже произносить его имя. Ведь такие, как Артур, нам не ровня. Он бедный парень из гетто, который не окончил школу, решив собственными кулаками пробить себе лучшую жизнь в прямом смысле этого слова.

— У всех, кто занимается боксом профессионально, насквозь пробита голова. Они же тупые. Что может быть у тебя общего с таким парнем? — Вопль номер два, принадлежащий моей мамочке.

Что я нашла в нем? Мужественность, честность, сильный характер, прямоту суждений и... я нашла в нем столько всего, мама, что не описать словами. Нечто такое, чего ты наверняка никогда и не знала. Ведь в твоём мире управляют здравый смысл и выгода.

Что может у меня быть с ним общего? Ничего. Мы две противоположности, познающие друг через друга что-то новое и необъяснимое. И конечно, я не могу озвучить все это вслух, ведь им неважно, что я чувствую. Гораздо значительнее то, какая тень на мою репутацию падает из-за этой дружбы. А репутация в нашей семье — нечто настолько сакральное и неприкосновенное, что они готовы запереть меня в комнате до конца лета, лишь бы я вновь не уехала.

Как же я сейчас ненавижу родителей и то окружение, мнения которого они так боятся! Кучка лживых снобов, узко мыслящих зазнаек с грандиозными амбициями и чувством собственной важности.

Три года назад родители спланировали меня на юг Франции к моей бывшей няне Розе. У отца были серьезные собрания и куча дел, возиться с моими подростковыми бунтами никто не хотел. Вникать в то, что Роза — экономка в доме Луи, никто не стал, вникать в список друзей Кантеля и подавно. В противном случае в будущем у них не было бы сюрприза в лице этих двух парней. То лето было лучшим в моей жизни, я наконец нашла настоящих

друзей. Нет, я обрела семью. Мы договорились сделать это нашей традицией, всегда проводить лето вместе. Отдыхать от сложного мира, забывая на время о проблемах, сосредоточившись на лучшем. А лучшим была наша дружба, как бы мои родители ни пытались смешать ее с грязью: задавать нелепые вопросы о том, что нас троих связывает, намекать на идиотские вещи. Наша дружба светлая, добрая, честная. И я ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах, в угоду ни одному человеку на этой земле не перестану с ними дружить.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу, ведь каждое лето одно и то же: родители пытаются остановить меня. Крича об имидже семьи и о тени, которую я бросаю на них. Но в этом году все зашло слишком далеко: меня закрыли в собственной комнате, и я не представляю, что мне делать. На часах уже 16:15. Нервно кусаю губу и растерянно оглядываю комнату... У меня забрали телефон и ноутбук, я не могу предупредить парней, рассказать им, как со мной поступили. На глазах выступают слезы, но вдруг я слышу легкий скрежет, а затем вижу светлую макушку. Мой брат Марсель аккуратно открывает дверь моей комнаты, стараясь не скрипеть. Прикладывает палец к губам в немой просьбе о тишине. На цыпочках подходит ближе и шепчет:

— Выходи с черного хода, на углу тебя ждет такси. — Он сует мне в руку несколько купюр и просит поторопиться.

Меня не надо просить дважды, я быстро обнимаю его и тихо произношу:

— Спасибо.

Мой младший братик — единственный из всей родни, кого я считаю своей семьей. Его голубые глаза поглядывают на меня с легкой усмешкой, он берет меня за руку и выводит из комнаты.

— Беги, Адель, — тихо напутствует он, — отличных тебе каникул!

Я целую его в щеки, прощаюсь и тихонечко мчусь к черному ходу. На часах 16:18, а это значит, что у меня все еще есть возможность успеть на поезд. «Ты мой маленький ангел-хранитель», — думаю я о Марселе, когда успеваю впрыгнуть в вагон ровно в 17:00. И знаю, что через четыре часа на юге Франции меня встретят два других ангела-хранителя. Луи и Артур. Моя семья.

АРТУР

Наши дни

СКВОЗЬ СОН ДО МЕНЯ доносятся хлопки окон и дверей — я оставил окна открытыми нараспашку, и теперь в моей комнате бушует сквозняк. По телу бегут мурашки от холода, но мне так отчаянно хочется спать, что я ныряю с головой под одеяло и, вновь обретая тепло, проваливаюсь в забытие. Я снова вижу ее глаза, они темно-карие, почти черные, зрачок сливается с радужкой, отчего взгляд кажется глубоким и проникновенным. Они такие большие, задумчивые, мне всегда казалось, что она видит меня насквозь. Вот и сейчас она смотрит прямо внутрь меня и беззвучно зовет: «Артур». Я не слышу ее голоса, я лишь вижу, как полные потрескавшиеся губы произносят мое имя. Сердце сжимается. Я хочу открыть глаза и прекратить эту попытку, созданную моим же сознанием, но не могу себя заставить. Я не могу перестать смотреть на нее, мне хочется протянуть руку, дотронуться до ее лица, нежно погладить по каштановым волосам, обнять и сказать ей, что я рядом. Но она всего лишь мне снится. Три месяца назад я забыл, что такое крепкий полноценный сон. Последнее время я лишь пребываю в бредовом состоянии, когда не могу уснуть, но усталость берет свое и погружает мозг в некую прострацию. Голова кипит, мне не хватает воздуха

под одеялом, но, как только я начинаю его приоткрывать, неприятный холодный ветер бьет в лицо, отчего я окончательно перестаяю хотеть спать. Окончательно теряю Адель и ее проникновенный взгляд.

Повышенная тревожность, как сказал мне психолог в тюрьме, в которой я пробыл три месяца за нападение. Меня выпустили вчера, выдали справку о судимости и пожизненный запрет на приближение к Адель де Флориан. Девушке, которая снится мне каждую ночь. Документы лежат на кухонном столе. Они реальны. Так же как и мое пребывание в местах лишения свободы. Мне иногда кажется, что я сплю и дикая реальность вокруг является лишь плодом моей больной фантазии.

Все произошло чересчур быстро, моя жизнь слишком стремительно пошла под откос. Так резко, что у меня даже не было возможности очнуться и осознать происходящее. Но пустота внутри меня реальна, так же как и все мои проблемы. Есть те, что видны окружающим: например, мне двадцать три года, я бывший перспективный боксер, который мечтал однажды стать абсолютным чемпионом мира. Я не окончил школу, не поступил в университет, я потратил всю свою юность на тренировки. Сейчас же у меня судимость, моя спортивная карьера пошла под откос, но все, что я умею, — это лишь махать кулаками.

Бокс — очень жестокий спорт, ты очень тяжело карабкаешься вверх, а затем в одну секунду оказываешься на самом дне. И вот тебе все приходится

начинать сначала. Загвоздка лишь в том, что я не знаю, как начать... Есть и те проблемы, что мучают мою душу. Например, вопрос, который сжимает все внутри меня и разрывает нутро пополам. Как жить с сознанием, что не можешь подойти к человеку, которого любишь? Это гораздо страшнее судимости и несбывшейся спортивной карьеры.

Резко встаю с постели и быстрыми шагами направляюсь в крошечную ванную. Открываю кран и слышу, как шумят старые трубы. А после жду, чтобы вода стала достаточно холодной, и подсовываю под струю лицо. Мне нужно остыть, прийти в себя, собраться. Нельзя раскисать, нельзя мириться с проигрышем. Нужно бороться из последних сил.

Слышу тихий, осторожный стук в дверь.

— Сынок, все хорошо? — спрашивает мама, не в силах скрыть волнения в голосе.

Все хуже не бывает, и я не знаю, как найти выход... Я не знаю, как жить в ладу с собственной совестью. Но я молча вытираю лицо и, собравшись с мыслями, открываю дверь. Мама смотрит мне в глаза, и я знаю, что она видит, насколько я потерян. Я стараюсь ободряюще улыбнуться, но чувствую, что выходит крайне неправдоподобно.

— Я приготовила завтрак, но не смогу с тобой посидеть, у меня смена в магазине. — Она приподнимает руку и нежно поглаживает меня по щеке. — Я так рада, что ты дома, — поломанным голосом произносит она и тут же отворачивается, стараясь скрыть слезы.

Я ловлю ее руку, целую, а после притягиваю к себе и обнимаю.

— Я тоже очень рад, — тихо говорю я, поглаживая ее по спине.

Я никогда не знал своего отца, у меня всю жизнь была только невероятно любящая мама. И меня съедает совесть за то, что я позволил ей пережить. Она целует меня в щеку прямо как маленького ребенка, последний раз проводит рукой по волосам и с грустной улыбкой выходит из квартиры. Я всегда мечтал, чтобы она смотрела на меня с гордостью. Мечтал помочь ей выпутаться из бедности, сверхурочной работы и той жизни, которую она влачит. Но все мои мечты пошли прахом.

Есть совершенно не хочется, но я заставляю себя проглотить омлет, который мне приготовили с любовью. На сегодня у меня весьма простой план: найти работу. Я планировал обойти все спортивные залы, предлагая свои услуги. Возможно, помимо судимости, работодатели обратят внимание на мои боксерские данные. Костяшки моих пальцев покрыты корочкой — так бывает, когда разбиваешь их в кровь. Это, конечно, уменьшит шансы, но попробовать стоит. Нельзя сидеть на месте и ждать, когда все наладится, так как ничего не наладится само по себе. Выглядываю в окно: на улице серость и полнейшее уныние. Я так надеялся, что это место больше никогда не будет моим домом. Но у судьбы свои планы.

Здесь ничего не меняется. Шампиньи-сюр-Марн — пригород Парижа. Преступное гетто.